

N.V. Denisov
(Russia, Samara)

ANTHROPOCENTRIC PATTERNS IN MEDIA DISCOURSE OF ENGLISH-SPEAKING POLITICAL JOURNALISM

The article deals with such key definitions as anthropocentrism, discourse and mediadiscourse. The influence of a human factor in texts of foreign mass media was also analyzed.

Keywords: anthropocentrism; discourse; media discourse

С.И. Дубинин
(Россия, Самара)

«СОЛДАТ ВЕРМАХТА» КАК МОДЕЛЬНАЯ ЛИЧНОСТЬ В МИЛИТАРИСТСКОМ ДИСКУРСЕ (на материале двуязычных словарей и кратких разговорников)

В статье анализируются особенности репрезентации модельной личности «солдат вермахта» на материале словарей периода ВОВ.

Ключевые слова: вермахт, военный дискурс, лингвокультурные концепты, модельная личность, вербализация, немецкий язык

Военный (милитарный) дискурс относится к институциональному (статусно ориентированному) исторически динамичному типу, подразделяясь на формальный (официальный) / неформальный, а репрезентирующие его тексты и контексты отличаются исходная четкостью и структурированностью. Комплексный анализ военного институционального дискурса и его разновидностей (военно-политического, ми-

литаристского и др.) невозможен без рассмотрения системы ключевых концептов («Война», «Армия», «Оружие», «Солдат» и др.) как индикаторов его специфики, позволяя анализировать структуру общения в рамках дискурса, помогая понять особенности маркирующих его социальных институтов.

Интерес представляет соотношение ключевых для милитаристского дискурса разновидностей лингвокультурных концептов, содержанием которых является типизируемая личность, каковыми в частности являются *лингвокультурный типаж* и *модельная личность*. Среди них можно выделить персонализированные: «Солдат», «Фронтовик», «Новобранец», «Ополченец» и др., которые интерпретируются как лингвокультурные типажи в виду идеологической образцовости и доминантной позитивности. Они имеют образную, понятийную и ценностную стороны и наделены типизированным коммуникативно-ролевым поведением (вербальный ряд), стереотипным имиджем [Карасик 2001: 98-100; Карасик 2005: 8-12]

«Солдат вермахта» как модельная личность активно конструировался нацистской военно-пропагандистской системой с момента учреждения «новой» армии Третьего Рейха законом о строительстве вермахта 1935 г. в течение десятилетия. Ключевые черты его манифестированы, в частности в опоре на традиции прусской армии и на измененную нацистами концепцию «гаранта внешней безопасности государства», в пропагандистских изданиях и прессе (см. журнал „Die Wehrmacht“), в присяге, уставах, ритуалах (День вермахта) и др. Уникальный материал для анализа лингвокультурных концептов и типажей противника СССР – нацистской Германии дают лексикографические источники. Это двуязычные словари и разговорники для военнослужащих вермахта, которые были подготовлены к общению с русскоязычным населением и пленными, располагая разнообразными массовыми малоформатными пособиями типа базовых словарей, разговорников разного качества. Некоторые из них появились на основе изданий для кайзеровской армии. Военный словарь-разговорник можно рассматривать как связный текст в совокупности с идеологи-

ческими, жизненными, социокультурными, психологическими факторами, как прагматически ориентированный текст в военно-событийном аспекте.

Анализ содержания краткого анонимного немецко-русский словаря “Deutsch-russisches Soldaten-Wörterbuch“ (2 издания 1941 г., 3 переиздания 1942-1944 гг.) со скудной разговорной частью показал, что его коммуникативная установка минимальна. Алфавитный словник SWB не ориентирован на выработку навыков, исходной системы форм корректной, связной речи военнослужащих вермахта по-русски, на ведение допросов. Словарик мог быть особо востребован квартирьерами, дозорными, рекогносцировщиками и полицейско-патрульной службой, которая служила «примером» другим военнослужащим [Дубинин 2015а].

«Солдат вермахта» предстает здесь через призму деталей военной повседневности. Тематически и инвентарно (базовая лексика) словник – пестрая смесь преобладающей общеупотребительной лексики (в основном существительных), многообразных военных реалий и терминов, немногих коллоквиализмов и бранных ЛЕ, солдатские жаргонизмы не представлены. Отсутствие рубрикации позволяет предположить, что военнослужащие уверенно ориентировались в предметно-нонятийном поле. SWB акцентирует важность и знание военного ремесла, обеспечивающего качественное превосходство над противником. Немногие императивные фразы-команды типа: “*Aufstehen! Antreten! Stillgestanden! Halt! Vorwärts! Hinlegen! Was ist passiert? Uhrzeit? Weg! Hilfe! Vorsicht! Ich blute. Mir ist es warm! Wer? Wo? Womit? Wieviel? Was für ein? Er ist weg*” рассеяны в словнике для поддержания положительного имиджа военнослужащего вермахта, который не выглядел бы a priori агрессивным оккупантом или карателем [Дубинин 2015а: 23].

Хотя печатная продукция для вермахта была идеологизирована и армия рассматривалась нацистами как «главный помощник партии» [Ермаков 2006: 14, 348], идеологические маркеры словника немногочисленны. Нейтральный набор в SWB контактоустанавливающих

приветствий, извинений, реакций, клише вежливых обращений, например, в ситуации покупки, ориентации на местности, обнаружения соответствий (*Wie heißt auf Russisch?*) ближе к элементарному речевому репертуару путешественника, а не военнослужащего. Диссонансом в перечне звучат лишь команды *Halt! Hände hoch!* и фраза в возможной ситуации дознания *Befindet sich N. zu Haus?*, «выдавая» специфику издания.

Ключевой концепт «Солдат» предстает в SWB в особом виде. Единого звания для рядовых солдат вермахта не существовало даже внутри родов войск, они именовались по специальности, должности, или по традиции, особенно в воинских подразделениях имевших долгую историю. Рядовой состав (*Mannschaften*), насчитывал до 40 наименований, представленных в SWB скудно. Немецкое “*der Soldat*” акцентировано идеологами вермахта как собирательное название, близкое к русскому «военнослужащий», но с менее нейтральной окраской (ср. *Sanitätssoldat*), поскольку несло и качественную оценку – «воин». Так, «первым солдатом вермахта» почтительно называли фельдмаршала Э. Роммеля.

В солдатскую книжку вермахта были внесены «10 заповедей по ведению войны немецкими солдатами» и на первом месте стояла запись: «Немецкий солдат сражается за победу своего народа, как рыцарь. Жестокость и ненужные разрушения позорят его». В соответствии с принятой вермахтом теорией войны решающее значение для победы над врагом имели личностное, профессионально-корпоративное, моральное превосходство и только во вторую очередь превосходство материальное и численное. Однако в SWB репрезентация образной или общей понятийно-ценностной составляющей модельной личности «солдата вермахта» выглядит скудно. Это отражают лишь немногие ЛЕ, пунктирно обозначающие важные личностные ориентиры, формирующие воинские ценности: пара *Freund* «приятель, друг» и *Kamerad* «товарищ»; *zusammen* «вместе». Для «армейца нового образца» отмечены такие установки, качества, навыки и способности солдата как: *Auskunft* «информация», *Reglement (Vorschrift)*

«устав», Kontrolle «контроль», Verspätung «опоздание», Zeit «время», Sieg «победа», Achtung «внимание», erkunden «рекогносцировать», üben/Übung «упражняться; упражнение, занятие», flicken «починить (одежду)», способность исправить *Irrtum* «ошибка».

После неудач и потери стратегической инициативы концепция «превентивной акции на востоке» в 1941 г. была скорректирована, усилены требования устава и дисциплины в войсках вермахта. Это отразилось в появлении «дисциплинарной» лексики, в корректуре образа солдата во 2-м издании SWB, ср.: *amtlich* «официально», *Appell* «переключка, сбор», *Aufsicht* «надзор», *Disziplin*, производные с корнями *Dienst-* (*Dienstgeheimnis*, *Dienstplan*) и *Exerzier-* (*Exerzierplatz*, *Exerzierausbildung*, *exerzieren* «упражнять»), *Entwarnung* «отбой после тревоги», *Feldgericht* / *Feldpolizei* «полевой суд; полиция» и др. Показательны корректуры в 3-м издании 1942 г., сохраненном в объеме и вышедшем к завершению начального периода войны, когда наступление германских войск было остановлено и план «Барбаросса» не дал результатов. В заметно расширенной части “Redensarten” показательны фразы, отражающие реалии столкновений с РККА и партизанами, оперативную работу с населением: „*Sind hier Rotarmisten (Partisanen) gewesen? In welcher Stärke? Sind im Ort Waffen vorhanden?*“, разведывательные действия, ориентация на местности, квартирование: „*Wir brauchen Lebensmittel! Wieviel Vieh haben Sie? Wo ist eine Furt? Wo sind die Feldbefestigungen? Zeigen Sie es auf der Karte!*” и т.п. Фразы-обращения приведены по-прежнему в вежливой форме, появляется и обозначение *deutsche Soldaten* «германские войска».

Отметим добавление в переиздания важных для построения речи глаголов: *antworten*, *sprechen*, *sagen*, *fragen*, *brauchen* (формы 1 лица), *denken*, *schreiben*, *machen*, *wissen*, *vergessen*, модальных глаголов и их парадигм в 1 и 2 лице, а также с отрицанием, производных УСК (“*Was soll das?*”). Показательны фразы: “*Russisch (Deutsch) lernen; Ich will Russisch lernen*“ [SWB 3: 44] и причастия, используемые в регламентирующих объявлениях (*verboten*, *verdeckt*). Но это нельзя расценивать как акцент на вербализацию словника и переформатирование SWB в разговорник.

Массовые переиздания словарика (два последних стереотипны) фиксируют константность нацистской военной имиджологии, манипулирование «победоносным духом» и образом профессионала вермахта, несмотря на трагически меняющуюся для захватчиков реальность войны с СССР. Эта «маска» была необходима вермахту (т.н. «армейцам», «людям в зеленой форме», «оруженосцам нации») как главной военной силе Рейха в войне, декларируемой как «справедливая и освободительная», как оправданный упреждающий ответ на подрывную политику, неизбежную агрессию СССР против Германии. «Солдатский словарик» идеологически манипулятивно демонстрирует размытость статусного компонента немецкого военного дискурса в пользу личностного (имиджевого) компонента. Военнослужащий вермахта предстает в его зеркале как профессионал ремесла, квалифицированный специалист, уделяющий внимание быту, развивающему командный дух солдата спорту, здоровью и питанию, ориентирующийся в военном деле, тактике и технике и т.п. Но не как отправитель приказов, насильник-агрессор, носитель идей аннексии, реванша за поражение в I-ой Мировой войне. Он не позиционирован как проводник нацистской политики на захваченных территориях СССР – противника Рейха в борьбе двух идеологий, покорения «неполноценного противника», подавления чуждой государственности любыми методами ведения войны [Дубинин 2015а: 33].

«Победоносный дух», уникальный потенциал и образ солдата вермахта – черты его скорее не как «первого оруженосца нации» («вторым оруженосцем» именовались войска СС), или «первой опоры государства» («второй опорой» именовалась НСДРП), а как германского солдата нового образца в «войне на востоке». Статичный образ «профессионала вермахта», лапидарно отраженный в SWB, конституируется в заданных параметрах, рефлексивно самоорганизуется и его идеального носителя.

Интересные дополнения дает анализ “Sprachführer” – немецко-русских фронтовых разговорников, спектр которых был широк. Они более ориентированы на воздействие, интеракцию, частично на навыки иноязычного общения, самопрезентацию. Военный разговорник –

разновидность, активный тип (жанр) переводного идеографического (тематического) словаря с преобладающей функцией перевода, ориентаций на интересы пользователя. Основной единицей его описания как лингвистического словаря является не слово, а самостоятельная синтаксически единица разговорной речи – фраза, зафиксированная письменно и представленная в рубрикации. Военные разговорники подразделяются на общие, охватывающие жизнь военнослужащего, и специальные – разговорники (вопросники) для опроса военнопленного, местных жителей. Их макроструктура включала корпус (центральная часть), предисловие, фонетический комментарий, грамматический очерк (для учебных изданий), переводной словарь или реестр слов, справочные приложения. Объем словарей-разговорников варьируется в зависимости от корпуса, количества приложений, шрифта. По лексикографическому критерию корпус словаря-разговорника делится на разговорную и словарную части (20-50%) [Левченко 2007: 5, 8-14]. В солдатском разговорнике для вермахта есть обязательные разделы: допрос пленного, опрос местного жителя, ориентирование на местности. Они разнообразны по форме и содержанию, например, разговорная карта для патрульно-постовой службы, иллюстрированный, стандартный разговорники, но имелись уникальные формы [Дубинин 2015б: 169].

Таков “*Taschen-Dolmetscher für Frontsoldaten*” («Карманный переводчик для фронтовика») с популярным в туризме образным названием. В военно-политическом дискурсе Германии концепт “*der Frontsoldat*” появился в 1-ую мировую войну («рядовой действующих войск») и использовался в пропаганде рейхсвера и вермахта. Кроме нейтрального синонима *Frontkämpfer* в солдатском жаргоне и разговорной речи начала 20 века отмечен его пейоративный эквивалент *Frontschwein* «окопник, служивый» [БРНС 1: 501]. Идеализированным образом «фронтовика» с 1920-е гг. спекулятивно воспользовались НСДРП и Гитлер в агитационной компании (плакаты, слоганы) как “*einfacher Frontsoldat*”, в лозунге “*Unser Reichspräsident. Frontsoldat Adolf Hitler!*” на президентских выборах 1932 г. В 1930-е гг. в

Германии «фронтовик» стал лингвокультурным типажом, признаки которого оформляются пропагандистской системой вермахта. Так, с 1931 г. выходил мемуарный журнал “Der Frontsoldat erzählt: die Zeitschrift für Tradition und Kameradschaft“. В 1937 г. появилась популярная философско-пропагандистская брошюра “Der Frontsoldat” прессы-референта верховного командования вермахта В. Пихта. В публицистике и массовой художественной литературе Рейха поэтизация образа отмечена в национал-патриотических сочинениях (W. Bloem “Die Frontsoldaten”; J. Kober “Der Frontsoldat und seine Heimat”; H. Oberlin-dober “Frontsoldaten wollen den Frieden”; W. Beumelburg “Der Frontsoldat”; анонимное “Der Sturm- und Frontsoldat” и др.). С 1930-х гг. выходил нацистский ветеранский ежегодник “Jahrbuch der deutschen Frontsoldaten und Kriegsofer”.

Карманный разговорник ТWB – самый краткий вариант изданий, рассчитанный на мобильное использование с непривычным для двуязычного словаря указанием только выходного языка – русского. Анонимная брошюра вышла в двух неизменных редакциях с вариантами обложки (см. Рис. 1) без датировки (1942 г.?), переиздание (1943 г.?) без титульного рисунка. Иллюстрация на титуле выполнена в ироничной манере комикса (см. филактер “*Ruki wwerch!*”), далекой от плакатного изображения «армейца», придав изданию «несерьезность». Фигурка бравого солдата вермахта в летней форме контрастирует с карикатурными фигурами русских – двух сдающихся в плен военных в зимней форме с ромбовидными петлицами (в РККА до 1943 г.), один из которых офицер. В другом варианте это улыбающиеся шаржированная женщина в платке с мерзнущим ребенком в ушанке с кокардой. Пехотинец изображен в боевом шлеме, походных сапогах и летнем кителе, вооруженный винтовкой, но в неполной полевой экипировке, из которой художник сохранил лишь противогаз в футляре – нацисты не исключали возможности применения отравляющих веществ. Автором иллюстрации (не словаря!) был оформитель популярных изданий Bob Waldemar Hindersin.

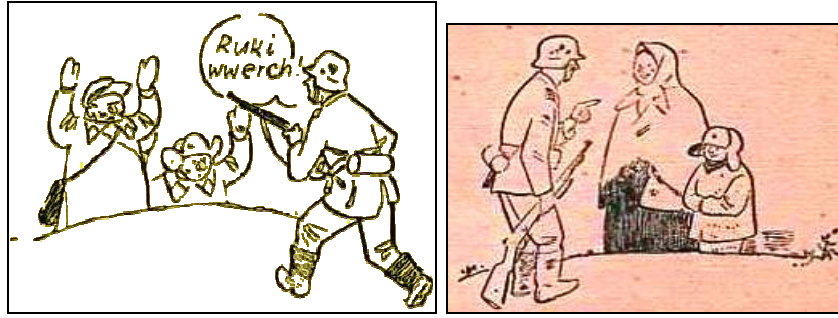

Рис. 1. Обложки 1-го издания “Taschen-Dolmetscher für Frontsoldaten“

Предисловие акцентирует вспомогательную роль ТВВ в отсутствие переводчика: *“Diese 100 Sätze oder Worte sollen dem Soldaten die einfachsten Zurufe und Begriffe nahebringen, die er in Rußland braucht, wenn kein Dolmetscher zur Verfügung steht“*. Заметно вовлечение пользователя через орализацию фраз в элементарное общение (*lerne sie auswendig*), привлечение контактных лиц: *„Es ist zweckmäßig, sich die Sätze bei Gelegenheit von einem russisch Sprechendem vorlesen zu lassen, um sich den genauen Klang einzuprägen“*. Это согласуется с образной семантикой названия “Der Dolmetscher” «устный переводчик». На опору на прочтение русских надписей (знание кириллицы), внимание к иноязычной речи указывают комментарии. Примечательно нередкое для SWB отсутствие в ТВВ искажений в русской части. Владельцу разговорника даны опоры в общении и для команд, например, числа: *“Die übrigen Zahlen können der Einfachheit halber geschrieben werden“*, язык жестов: *Komm her! Setz dich! groß/klein*. Отмечена важность начальных 40 фраз (пленение, установление личности, ориентация в населенном пункте) [ТВВ: 3-4, 14-15].

Идеографический в основе словник ТВВ состоит из фраз и набран с нумерацией в неалфавитном порядке столбцами (нем. фраза / транскрипция устной русск. формы / русск. нормативный вариант) для облегчения поиска соответствий при контакте: *“Sollten in besonderen Fällen doch Verständigungsschwierigkeiten auftreten, zeige man den betreffenden Text dem Russen zum Ablesen“*. Этот прием использовался в двуязычных словарях для военнослужащих вермахта [Дубинин 2015а: 22]. Разговорник содержит команды-указания (*Zurufe* «оклики») преимущественно в форме повелительного наклонения почти

исключительно в Du-Form, ср.: *Bring mir das! Koche/brate/backe mir das! Warte hier!* Грубые, оскорбительные формы редки: *Halt den Mund! Idiot – Dummkopf! Ihr Teufel! Hau ab!* «Живо! Дурак! Проваливай! Катись!». Немногие вопросы ориентированы на получение конкретной информации, односложные ответы (*Antworte, ja oder nein / schnell und klar!*), общие вопросы единичны. Личностный и контакто-устанавливающий (*Spricht hier jemand deutsch?*) компоненты скудного речевого репертуара минимальны (см. обобщенные, пассивные формы: *Wir brauchen Benzin! Es wird geschossen!*). Отдельные ЛЕ приведены без грамматических комментариев для клишированных команд (профессии, пища, вода, продукты питания).

Разговорник не имел в отличие от SWB универсального характера. В нем выделяются немногие лапидарные тематические группы: *ситуация пленения, ориентация на местности, перемещение (в боевых условиях), организация снабжения, топливо, техпомощь и подсобная сила, квартирование, питание*. Отдельно даны количественные числительные, дни недели, обозначения временных отрезков. В завершающем разговорник как речевую опору списке существительных-интернационализмов (*Worte, die der Russe versteht*) доминируют воинские звания, наименования оружия, техсредств, профессий, учреждений, а также многозначное разговорное прилагательное *kaputt* [ТWB: 13]. Фразы могли использоваться в предостерегающих надписях-объявлениях: *Halt! Vorsicht! Vorsehen! Es wird geschossen! Sofort zu räumen!* ЛЕ-идеологемы в ТWB отсутствуют, а особенности войны против СССР маркированы только ЛЕ *Partisanen, russische Truppen*, тематизацией использования на восточном фронте конной тяги.

Образ солдата в ТWB несколько тривиален, неофициален и реализуется в отличие от SWB только через речевой мини-репертуар. Он предстает как доминантная и эмоциональная «фигура» в контакте с местным населением, пленными, как субъект, уверенный в адекватности отправляемых приказов и хорошо ориентирующийся в ситуации.

Еще более «экзотичен» механический визуальный малоформатный разговорник “Stummer Dolmetsch”, анонимная публикация которого (1941 или 1942 г.?) не локализована. Этот мало распространен-

ный тип т.н. “*stummer Dolmetscher*” (*praktisches Sprachführer ohne Vorkenntnisse*) известен в туризме и для нужд иностранных рабочих. «Немой переводчик» имеет вид картонного футляра – двусторонней карты с колесом внутри и прорезями. Вращением диска можно найти путем совмещения нанесенный на него русский аналог немецкой фразы (20 на каждой стороне). Титул и оборот планшета содержат кроме тематических перечней нумерованных фраз таблицы из 90 рисунков. В инструкции отмечено: “*Man zeige dem Russen die Übersetzung des Wunsches, Befehls usw., gegebenenfalls zur Ergänzung auch das passende Bild. Auf diese Art kann man nach kurzer Orientierung Hunderte von Wünschen und Befehlen ohne Sprachkenntnisse ausdrücken*” [SD: I].

Название «немого переводчика» закавычено, маркируя его как гибридное, экспериментальное и переиздания его не обнаружены (пробное издание?). Похожие т. н. листовые издания известны как учебные таблицы-вертушки в самоучителях по грамматике, для запоминания иностранных слов, таблицы умножения и др. Полисемантическая ЛЕ *Dolmetsch, m. (gehob., selten) – jemand, der stellvertretend für andere einer Sache Ausdruck gibt; der Fürsprecher (z.B. ein Dolmetsch der Armen)* обозначает также толкователя, комментатора, посредника, ходатая, заступника. Образное выражение „*stummer Dolmetsch*“ встречается в литературе и богослужении, в языке печатников (*der nicht gebrauchte Buchstabe*) [БРНС 1: 349].

Лапидарные тематические рубрики (меню) даны последовательно: *Befehle, Fragen, Verhör, Erkundung, Quartier*. На обороте планшета списком без перевода даны “*Deutsche Wörter, die der Russe versteht*“ только из военной сферы. Алфавит и грамматический комментарий отсутствуют. Приведены с русскими эквивалентами частицы “*ja/да, nein/нет*” (с транслитерацией) и наречия времени (без транслитерации), что указывает на неориентированность технологичного «немого посредника» на тесную коммуникацию по-русски. На важность письменной/визуальной опоры указывают фразы: “*Schreiben Sie das auf! Haben Sie eine Landkarte?*” Установка контакта по-немецки повторена: “*Spricht hier jemand deutsch? Holen Sie jemand, der deutsch spricht? Sprechen Sie deutsch?*“

Примечательна вежливая форма обращения (*Sie-Form*), но в упрощенном вопроснике «пленный – местный житель» неразличимы. Тематически рисунки подразделены по значимости на: продукты питания / напитки (доминирующая группа, частично с переводом без транслитерации), оружие, транспорт, домашние животные, орудия труда, посуда, мебель, утварь, освещение, предметы гигиены, компас и часы. Приказы и вопросы предлагается строить по шаблону в опоре на рисунки: “*Geben/bringen/besorgen/zeigen Sie mir...! Haben Sie...? Wo ist (sind)...?*” и с указательным местоимением: “*Waschen Sie dieses!*” Качество русской части словника не удовлетворительно [Дубинин 2015б: 171].

Не стандартные «экзотические» мини-разговорники с ограниченным прагматическим диапазоном отражают типизированное коммуникативно-ролевое поведение (вербальный ряд), вариативность коммуникативного потенциала «армейца Рейха» и оттеняют, оживляют неизменно позитивный имидж солдата вермахта в «победоносной войне на востоке».

Библиографический список

1. Дубинин С.И. Трансформация «дискурса завоевателя»: на материале немецко-русского словаря “*Soldaten-Wörterbuch*“ // Вестник СамГУ. Гуманитарная серия. № 7 (129). – Самара: изд-во СамГУ, 2015. – С.16-23.
2. Дубинин С.И. Лаконичность речевого репертуара «оруженосца нации» // Теория и история германских и романских языков в современной высшей школе России. – Калуга: изд-во КГУ, 2015. – С.168-173.
3. Ермаков А.М. Оруженосцы нации. Вермахт в нацистской Германии. – М.: Яуза / Эксмо, 2006.
4. Карасик В.И. Модельная личность как лингвокультурный концепт // Филология и культура: Материалы III-й междунар. науч. конф. Тамбов: изд-во ТГУ им. Державина, 2001. – Ч.2. – С.98-101.
5. Карасик В.И., Дмитриева О.А. Лингвокультурный типаж: к определению понятия // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажы / под ред. В.И. Карасика. – Волгоград: Парадигма, 2005. – С.5-25.
6. Левченко Г.А. Словарь-разговорник в России: типологический и социолингвистический аспекта. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М. МГУ, 2007. – 25 с.

- Источники фактического материала и принятые сокращения**
- Deutsch-russisches Soldaten-Wörterbuch. Rund 2000 Wörter für Feldgebrach und tägliches Leben.- Berlin: E.S. Mittler & Sohn, 1941. -71 S. **(SWB 1)**
- Deutsch-russisches Soldaten-Wörterbuch. Rund 3000 Wörter für Feldgebrach und tägliches Leben.- Berlin: E.S. Mittler & Sohn, 1941. -79 S. **(SWB 2)**
- Deutsch-russisches Soldaten-Wörterbuch. Rund 2000 Wörter für Feldgebrach und tägliches Leben. -Berlin: E.S. Mittler & Sohn, 1942. -79 S. **(SWB 3)**
- Taschen-Dolmetscher für Frontsoldaten. Russisch / von Bob W. Hindersin. – Berlin: G. Siemens, o/J. – 15 S. **(TWB)**
- “Stummer Dolmetsch”. Deutsch-russisch. o/O, o/J. – S. I-II. **(SD)**
- Большой немецко-русский словарь в 2-х томах / под ред. О.И. Москальской и др. – М.: Советская энциклопедия, 1969. Т.1-2. **(БРНС 1-2)**

S.I. Dubinin

(Russland, Samara)

**"SOLDAT DER WEHRMACHT " ALS MODELLFIGUR
IN MILITARISTISCHEN DISKURS
(am Beispiel der zweisprachigen Wörterbücher
und Sprachführer)**

Im Aufsatz wird die Verbalisierung der Eigenschaften des "Soldaten der Wehrmacht " als einer Modellfigur in militaristischen Diskurs um 1941-1944 analysiert.

Stichwörter: Wehrmacht, Deutsch, militärischer Diskurs, Modellfigur, Verbalisierung, zweisprachige Lexika, Soldat